

Литература

1. Денисенко С. Н. Функционализм – одна з найважливіших парадигмальних рис лінгвістики кінця XX початку XXI ст. // Вісник ХНУ. – Сер. ром.-герм. філол. – № 471. – 2000. – С. 68-76.
2. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантического исследования. – М., 1976.
3. Левицкий А. Е. Функциональный підхід до аналізу системи номінативних одиниць сучасної англійської мови. // Вісник ХНУ. – Сер. ром.-герм. філол. – № 471. – 2000. – С. 137-143.
4. Морозова Е. И. Дискурс как онтологическая сущность и дискурсивный анализ как методологический подход к анализу языка // Вестник ХНУ. – Сер. ром.-герм. філол. – № 611. – 2003. – С. 92-96.
5. Мороховский А. Н. Слово и предложение в истории английского языка. – Автореф. дис. д-ра філол. наук. – К.: 1981.
6. Перебийніс В. І. Системні та функціональні характеристики мовних одиниць // Вісник ХНУ. – Сер. ром.-герм. філол. – № 635. – 2004. – С. 138-141.
7. Рудяков А. Н. За словом ли “лезет в карман говорящий”, или о функциональном определении текста // XI Междунар. конф. По функц. лінгвістике. – Сб. науч. докл. – Ялта. – 2004. – С. 305-307.
8. Рудяков А. Н. Лінгвістический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
9. Рудяков А. Н. Функциональный подход к проблеме возникновения естественного языка // Функциональная лінгвістика: итоги и перспективы. – Мат.-лы конф. – С. 305-307. – Ялта. – Сб. науч. докл., 2004.
10. Трибунская В. Н. Ономазиологические аспекты активного словообразования в общественно-политическом тексте /на материале современной американской периодики/: Дис. канд. філол. наук. – М., 1980.
11. Хэллидей М. А. К. Место функциональной перспективы предложения /ФПП/ в системе лінгвістического описания // НЗЛ. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 138-148.

Остапенко Т. А.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

К одной из спорных, не решенных проблем синтаксиса относится вопрос о нечленимых предложениях как особом структурно-семантическом типе предложений в русском языке. Нечленимые предложения противопоставлены членимым по ряду признаков: логическому, структурному, семантическому и грамматическому.

Исходя из двучленного характера выражаемой в предложении мысли многие исследователи исключали нечленимые конструкции из синтаксической системы русского языка. Формально-логический подход представлен в работах А. М. Пешковского [5], который относил нечленимые конструкции к «фразам» и противопоставлял их предложению как «предикативному словосочетанию». Традиционным является рассмотрение нечленимых предложений в качестве «эквивалентов предложения». Структурно-семантический подход представлен в трудах В. В. Виноградова [2], Н. Ю. Шведовой [6], П. А. Леканта [3]. Но в последние годы в лінгвістике все большее внимание уделяется функциональному принципу, в соответствии с которым нечленимые предложения представляют собой особый структурно-семантический тип предложений. В. В. Бабайцева в монографии «Явления переходности в грамматике русского языка» представила типологию простого предложения, отразившую специфику взаимодействия разных типов двусоставных, односоставных и нечленимых предложений в единой системе [1]. Вплотную теорией нечленимого предложения занимается В. Ю. Меликян, разработавший классификацию нечленимых конструкций как фразеосинтаксических единиц [4].

Таким образом, цель данной статьи – рассмотрение вопроса о месте нечленимых предложений в синтаксической системе языка. Основной задачей является включение нечленимых предложений и широкого круга переходных конструкций в классификацию простого предложения в соответствии с коммуникативным, функциональным принципом.

Двусоставным и односоставным членимым предложениям противопоставляется особый структурно-семантический тип нечленимых предложений, характеризующийся устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, неспособностью к распространению, привязанностью к контексту. Подобные единицы лишены грамматической формы; в них не выделяются члены предложения – ни главные, ни второстепенные. У слов, образующих нечленимые предложения, отсутствует номинативное значение, они выражают лишь отношение говорящего к адресату или к сообщаемой информации. Это не позволяет лексическим единицам выступать в качестве членов предложения. Основной функцией нечленимых предложений в языке является экспрессивно-оценочная, так как такие подобные конструкции обладают высокой степенью эмоциональности, экспрессивности.

Ввиду отвлеченности семантики, структурной нерасчлененности, зависимости от контекста данный тип предложений часто исключается из семантико-синтаксической парадигмы предложения и рассматривается за её пределами в качестве «эквивалентов предложений», «слов-предложений», «неграмматических предложений», «междометных предложений», «коммуникем», «монорем» и т. д.

Одной из центральных проблем при рассмотрении нечленимых предложений является проблема типологии простого предложения. Общепринятыми были и остаются классификации по количеству и составу главных членов, по наличию/отсутствию второстепенных, по полноте реализации структурных схем, по наличию осложнения, по характеру предикативных отношений, по эмоциональной окраске. Согласно этим классификациям выделяются членимые и нечленимые предложения. Данная типология основана на логико-синтаксическом подходе. При применении же функционального принципа классификации предложений, необходимо вести речь о членности/нечленности выражаемой мысли.

Выделяемые данной типологией типы и разновидности предложений невозможно представить в виде автономных областей: они возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя многочисленные смешанные зоны, которые включают синкретичные построения, совмещающие свойства полярных типов. Они отражают взаимодействие синтаксических конструкций и являются важнейшим системообразующим фактором.

Мы следуем классификации В. В. Бабайцевой, которая отмечает, что двусоставные, односоставные и нечленимые предложения не раз были предметом специальных исследований [1]. Ответ на вопрос о критерии выделения основных структурно-семантических типов простого предложения связан с характером членности мысли, выражаемой в простом предложении.

Основной массив предложений, входящих в зону синкретизма, создаваемую оппозицией «двусоставные – нечленимые предложения», образуют двусоставные по структуре предложения, представляющие собой фразеологизированные конструкции с разной степенью логико-семантической и синтаксической членности.

На периферии двусоставных предложений находятся предложения, часть которых (чаще всего сказуемое) выражена фразеологизмом: *И когда говоришь: «За что ж боролсь?» – то служащие, какие пороху не нюхали, над этим словом надсмехаются, а за ними строит хаханьки всякая белая сволочь! Нет, ты нам зубы не лечи!* (М. Шолохов). *Сначала русская Сафо, потом русский Рембо – и оба наложили на себя руки, покорные вашей воле.* (Б. Акунин).

К периферии относятся нечленимые пословицы и поговорки, в состав которых входят второстепенные члены, нарушающие логико-семантическую и синтаксическую цельность фразеологизированных построений: – *Ага! – промолвил Базаров. – У твоего отца, видно, губа не дура.* (И. Тургенев).

Сюда же можно отнести риторические вопросы, в которых сохраняются основные компоненты вопроса с вариациями местоимения, ориентированного на реальное лицо. Такие предложения не требуют ответа, их можно заменить предложением *Никто не знает: Найдется! И у тебя небось осталось? – Кто его знает...* (М. Шолохов).

Предложения, в которых отчетливо видна схема двусоставного предложения: позиции подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, наиболее постоянным компонентом имеют глагольную словоформу *знает*, а две остальные позиции могут заполняться разными словами, среди которых чаще других употребляется в позиции подлежащего слово *чёрт*, а в позиции прямого дополнения — словоформа *его*, которая может быть и опущена, так как не имеет или почти не имеет указательно-заместительного значения: *А на воротнике? – Черт их знает. Это не мой костюм.* (А. Гайдар). В позиции подлежащего могут быть также слова: *бог, дьявол, шут* и др. Выбор слова обусловлен стилистическими причинами: *Кого ищут-то? – А пес их знает.* (А. Гайдар). *Бог знает, что вы говорите.* (А. Чехов). *Кого ты подозреваешь, Андрей? – Размётнов поднял плечи и медленно развёл руками. – Чума его знает!* (М. Шолохов).

Таким образом, бесспорно то, что рассматриваемые примеры неоднозначны по характеру логико-семантической и синтаксической членности.

И в пересекающихся классах односоставных и нечленимых предложений тоже существуют переходные явления, свидетельствующие о разной степени логико-семантической и синтаксической членности.

Зону синкретизма в оппозиции «односоставные – нечленимые предложения» занимают предложения, представляющие собой односоставные междометные предложения с второстепенными членами: *Спасибо вам, милый Гэндзи, – мысленно попрощалась с ним Коломбина...* (Б. Акунин). *Сюда письмо! – рыкнул генерал. – И коменданта сюда!* (Б. Акунин). *Марш отсюда!* – гаркнул Лагранж. (Б. Акунин). *Пусть ее, – сказал Фандорин, глядя вслед резвой барышне с веселым недоумением.* (Б. Акунин).

Односоставные междометные предложения различаются степенью синтаксической членности. Это зависит от того, насколько сохраняется связь междометных слов с омонимичными знаменательными словами, а также от наличия/отсутствия второстепенных членов предложения. Трудно дать синтаксическую квалификацию главного члена этих разновидностей, но очевидна синтаксическая функция их распространителей. Наличие второстепенных членов предложения свидетельствует о синтаксической членности рассматриваемых предложений.

Существуют построенные по моделям односоставных нечленимых предложения, в которых отсутствуют прямые синтаксические связи: *Ничуть не бывало. Держи карман шире.* (М. Зощенко). *Ну, конечно! Я уж по твоим глазам вижу, что сердце на меня остыло. – Будет тебе, балабон!* (М. Шолохов). *Ну, привёз, а руководствовать ею никто не может. Да и на что она им? И смех и грех.* (М. Шолохов). *От кого узнал? – Ну вот, скажи ему!* (М. Шолохов). *Большов. Ну, Луна! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать!* (А. Островский). *Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!* (А. Островский). *Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем поздравить!* (А. Островский).

Основной сферой употребления нечленимых предложений является диалогическая речь с ее стремлением наиболее ярко, точно и лаконично выразить мысль и эмоцию, ее сопровождающую. На периферии нечленимых предложений находятся многочисленные диалогические реплики, образовавшиеся на базе глагольных и именных полных конструкций и не утратившие ещё связей с ними. К их числу относятся диалогические реплики, выражающие эмоциональную, поощрительную или иную реакцию на полученное сообщение: *Ладно уж, говорит, берите меня, старого опытного спеца. Ваши счастье.* (М. Зощенко). *У тебя и спрашивать не будут. – Это как же? – Да так же. – Ловко! – Ну ещё бы! Теперь я у тебя спрошу: дальше можно так жить? – Невкуда дальше.* (М. Шолохов). *Эка, дурило ты! Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь!* (М. Шолохов). В связи с этим нельзя не отметить возможное сходство нечленимых конструкций с неполными предложениями, функционирующими также в жанре диалога и представляющими собой редуцированную реализацию полного предложения, легко восстанавливаемого из контекста. Например: *А тебе не жалко ножа? Не горюешь, что променялся? – Ни капельки! – решительно ответил Давыдов.* (М. Шолохов). Ответная реплика *Ни капельки* представляет собой предложение с синкретичной семантикой, его эквивалентами являются полное односоставное предложение *Мне не жалко ножа ни капельки* и нечленимое слово-предложение *Нет/Совсем нет*.

К ближней периферии относятся высказывания, принадлежащие сфере социального этикета (приветствия, прощания, пожелания, знаки благодарности, извинения): *Здравствуйте, граждане! Где тут конюшня? – Доброго здоровья, – за всех ответил пожилой казак...* (М. Шолохов). *Совершив предварительно европейское «shake hands», он три раза, по-русски, поцеловался с ним, то есть три раза прикоснулся своими душистыми щеками до его щек, и проговорил: Добро пожаловать.* (И. Тургенев). *Рисположенский. Прощайте!.. Прощайте, Лазарь Елизарыч!* (А.

Островский). *Первая дама. До свидания.* (Уходит.) *Вторая дама. Благодарю вас. Аметистов. Оревуар, мадам.* (М. Булгаков). *Лорд. Гуд бай! Сизи. Пока.* (М. Булгаков).

Ядро поля нечлененых предложений составляют единицы, не допускающие членения даже потенциально. Прежде всего эта область представлена междометиями: *Эвона! Чудно, брат! – дико посмотрел Ракутин.* (Ф. Достоевский). *Ба! Да и в самом деле! – закричал удивившийся Кох.* (Ф. Достоевский). *Ахти, господи! Отроду такого греха не бывало!* (А. Пушкин). *С ночи до ночи держись за чапиги – и десятии двенадцать до зимы подымеешь. – Хо! Двенадцать?* (М. Шолохов). *Нет, буду шуметь! А кулак Фрол Рваный, за...его душу!.. – Но-но! – Назульнов застучал кулаком.* (М. Шолохов). *Будьте свидетелями на оскорбление! – Тю! Слушать не даёшь, цыц!* (М. Шолохов).

Ядерными в функционально-семантическом поле нечлененых предложений являются слова-предложения *Да* и *Нет*, представляющие собой элементарные формы утверждения/подтверждения и отрицания: *Зайдешь, что ли? – Нет.* (Ф. Достоевский). *Пьесы сочиняете? – Да. Приходится.* (М. Булгаков). Путем прибавления частиц, местоимений и пр. расширяется семантика подобных предложений, они обогащаются новыми оттенками смысла, повышающими или понижающими степень утверждения/отрицания, выражающими эмоциональное отношение говорящего к элементам речевой ситуации: *Яков Лукич-то? – Ну да.* (М. Шолохов). *Что, ужасно? – упавшим голосом спросила она. – Вовсе нет, – поспешил уверить ее Маклафин.* (Б. Акунин). *Ну уж нет! – в один голос вскричали и Варя, и Фандорин.* (Б. Акунин).

По мере отступления от ядра к периферии появляются модальные слова-предложения, включающие значения уверенности или предположительности: *Соскучилась? – спросила она, взглянув на дочь. – Конечно* (А. Чехов); *– А я к вам, – сказал Лаптев. – Иду потолковать с вашим батюшкой. Он дома? – Вероятно, – ответила она* (А. Чехов); *– Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты... – Хорошо, пожалуйста, – решил Обломов* (И. Гончаров). *То есть, если придётся выбирать между жизнью его высочества и бриллиантом... – Вот именно* (Б. Акунин). *Ну вот, а вы говорите от Анисия помощь, – махнул рукой Фрол Григорьевич. – Пищик получился. – Отнюдь. – Эраст Петрович снова сунулся было за четками и досадливо поморщился* (Б. Акунин). *Выражение согласия/несогласия дополняется эмоционально-экспрессивными оттенками: – Любуется морем? – Ещё бы! – ответил Лавров* (К. Паустовский). *– Джек Потрошитель? А Ижичын, осмелев, фыркнул: Бред! (Б. Акунин). Неужто Линд отказался от обмена? – упавшим голосом спросил я. – Как бы не так.* (Б. Акунин).

Оппозиции «двусоставные – нечлененые» и «односоставные – нечлененые» во многих случаях обусловлены фразеологизацией высказываний, причём характер их логико-семантической и синтаксической членности зависит от степени фразеологизации, которая нередко объясняется прежде всего употребительностью высказываний и ослаблением лексической значимости слова. Так, одним из слов, входящих в предложения разной структуры и семантики, с разной степенью членности, является слово *чёрт* (*бес, дьявол*): *Чёрт знает! Ещё подумает, что я подматривал.* (М. Шолохов). *Э, чёрт тебя! Анархист кривобокый!* (М. Шолохов). *В вопросах быта я с тобой не согласен. Ну, да чёрт с тобой!* (М. Шолохов). *Красный собьёт. – Как то ни чёрт!* (М. Шолохов). *Что за чёрт! – подумал он, вставая, опять принимаясь ходить по комнате и стараясь не смотреть на постель за ширмой.* (И. Бунин). *Улики, что ль, какие? – Кой чёрт улики!* (Ф. Достоевский).

Не менее распространено слово *бог* (*господь, Христос*): *Прощайте, родимые! Дай бог вам на здоровье...* (М. Шолохов). *Поддай-то господи! Уподобь, святой Егорий Победоносец!* (М. Шолохов). *Что ты, Никита! Христос с тобой!* (М. Шолохов). *Стелешь всем? – Да что, ей богу!* (М. Шолохов). *Как же ты без заданий будешь работать? Как бог на душу положит? Я от чапиги не буду рук отымать, а ты на приёке будешь спину греть, а получать за это будем одинаково? Здорово живёшь, Яков Лукич! – Слава богу, Кондрат Христофорович!* (М. Шолохов). *В Суходоле вы ссорились? – Борони бог!* (И. Бунин).

Таким образом, функциональный подход позволяет включить систему нечлененых конструкций в типологию простого предложения, в результате чего образуются различные диффузные области взаимодействия двусоставных, односоставных и нечлененых предложений. В данной статье представлен обзор лишь основных типов нечлененых предложений, функционирующих в составе системы простого предложения. Полное описание функционально-семантического поля нечлененых конструкций требует более тщательного рассмотрения вследствие тонкой дифференциации выражаемых ими смыслов и значительного коммуникативно-прагматического потенциала подобных предложений.

Нечлененые предложения выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла. Изучение семантики, прагматики и синтаксиса нечлененых предложений представляет широкие перспективы для дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. – М.: Дрофа, 2000. — 640 с.
2. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения //Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
3. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском литературном языке. – М., 1986.
4. Меликян В. Ю. Об основных типах нечлененых предложений в русском языке. // Филологические науки. – 2001. – № 6. – С. 79-89.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956.
6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.

Пасічник І. А. ПРОБЛЕМА ТРАНСПОЗИЦІЇ В ЛІНГВІСТИЧНІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Вивчення особливостей транспозиційних процесів на сучасному етапі розвитку лінгвістики є актуальним, оскільки питання міжчастиномовних переходів, незважаючи на тривалу історію їхнього дослідження в зарубіжному та вітчизняному мовознавстві, ще не отримали остаточного розв'язання. Метою нашої статті вбачаємо у висвітленні проблеми транспозиції в сучасній лінгвістичній літературі. Поставлена мета вимагає реалізації таких завдань: 1) з'ясувати як тлумачиться поняття транспозиції в сучасній зарубіжній і вітчизняній лінгвістиці; 2) визначити, які положення вчення про транспозицію є для нас найбільш прийнятними; 3) охарактеризувати функціональну транспозицію як триступеневий перехід, що реалізується на синтаксичному, морфологічному і семантичному мовних рівнях; 4) описати відприкметникову синтаксичну, морфологічну і семантичну вербалізацію.

У сучасній лінгвістиці під поняттям «транспозиція» (середньолат. *transpositio* – переставлення, від лат. *transponere* – переставляти) розуміють використання однієї форми у функції іншої. Термін «транспозиція» тлумачать у широкому та вузькому значенні. У широкому розумінні – це будь-яке переносне вживання мовної форми, зокрема транспозиція грамам дієслівного часу (наприклад, уживання теперішнього часу замість минулого або майбутнього), способу (наприклад, функціонування наказового способу в значенні умовного), комунікативних типів речення (наприклад, використання розповідного речення в ролі наказового) і под. Цей термін поширюється також і на позначення метафоричного та ін. перенесення значень слів. У транспозиції прийнято вирізняти три елементи: вихідну форму (транспоноване), засіб транспозиції (транспозитор) і результат (транспозит). У вузькому значенні транспозиція, або функціональна транспозиція, засвідчує перехід слова з однієї частини мови до іншої або його використання у функції іншої частини мови. Традиційно розрізняють два ступені цієї транспозиції: 1) неповна, або синтаксична, за якої змінюється тільки синтаксична позиція вихідної одиниці без зміни її морфологічної належності до відповідної частини мови; 2) повна, або морфологічна, за якої утворюється слово іншої частини мови. Залежно від частини мови, в яку переходить слово, вирізняють субстантивізацію, вербалізацію, ад'єктивізацію, адвербіалізацію тощо [6, с. 692].

Основоположником теорії транспозиції був відомий швейцарський мовознавець Ш. Баллі, учень і послідовник Ф. де Соссюра. Учений першим звернув увагу на великі потенційні можливості транспозиції у сфері синтаксичних досліджень. Зокрема, він писав: «Категорії представляють собою реальність, і якщо мова з такою легкістю переводить знаки з однієї категорії в іншу, то це робиться з допомогою сукупності спеціальних засобів транспозиції, які мова передає в розпорядженні мовлення ...» [13, с. 396].

Питання транспозиції, задекларовані Ш. Баллі, отримали подальший розвиток у працях Л. Теньєра, Є. Куриловича, М. Докуліла, О. Єсперсена та ін. Для тлумачення цього поняття Л. Теньєр уживає термін «трансляція». Сутність трансляції (у нашому розумінні транспозиції) учений вбачає в тому, що вона переводить повнозначні слова з однієї граматичної категорії в іншу, тобто перетворює один клас слів на інший [13, с. 378]. Л. Теньєр диференціює трансляцію на два основні типи: 1) трансляція першого ступеня стосується переходу слів із однієї частини мови в іншу; 2) трансляція другого ступеня передбачає використання речень у функції іменників, прикметників, прислівників. Беручи до уваги багатовимірність цього поняття, науковець у межах указаних типів вирізняє такі різновиди трансляцій: каскадні та інвертовані, прості та багатократні, марковані та немарковані, категорійні та субкатегорійні, формальні, послаблені, семантичні тощо [13].

Є. Курилович для означення транспозиції використовує термін «деривація». Мовознавець вивчає дериваційні процеси на лексичному та синтаксичному рівнях. Лексична деривація, на його погляд, передбачає зміну лексичного значення похідного слова щодо твірного за незмінності їхньої первинної синтаксичної позиції. Синтаксична деривація (у розумінні синтаксичної транспозиції), зумовлює модифікацію категорійних одиниць вихідної частини мови і веде до зміни синтаксичної функції слова в межах того самого лексичного значення. Слово, яке функціонує з тим же лексичним значенням, але в новій синтаксичній позиції, є синтаксичним дериватом (у нашому розумінні синтаксичним транспозитом) [10, с. 60-61].

Природу транспозиції в канві модифікації та мутації висвітлює М. Докуліл. Указані поняття науковець розглядає як словотвірні типи, що стосуються як міжчастиномовних переходів, так і змін у межах однієї частини мови. Транспозиція, на думку вченого, передбачає зміну частиномовної належності слова зі збереженням його лексичного значення. Модифікація стосується несуттєвих зрушень у семантиці слова в межах тієї самої частини мови. Мутація веде до виникнення абсолютно нового значення на основі старого [14, с. 29-49, 68-76].

Проблема транспозиції знайшла своє обґрунтування у працях Е. Бенвеніста, В. Гака, О. Земської, О. Кубрякової, В. Бабайцевої, В. Богданова, Ю. Степанова та ін. На матеріалі української мови відповідну проблематику сьогодні активно вивчають І. Вихованець, К. Городенська, Н. Клименко, А. Загнітко, Є. Карпіловська, В. Ожоган та ін.

Досить часто дослідники, використовуючи терміни «транспозиція», «деривація» тощо, вкладають у них різний зміст. Наприклад, розподіл дериваційних процесів О. Земської, В. Богданова, О. Кубрякової та ін. ґрунтуються насамперед на продуктивній ідеї класифікації словотвірних типів М. Докуліла. Зокрема, О. Земська, розподіляючи деривацію на синтаксичну та лексичну, в межах останньої вирізняє транспозиційні і нетранспозиційні типи. Синтаксична деривація, на погляд ученої, являє собою перехід слова з однієї частини мови в іншу, без змін у його лексичному значенні. Транспозиційний тип лексичної деривації стосується переходу слова з однієї частини мови в іншу, який супроводжується змінами в його значенні. Нетранспозиційний тип лексичної деривації передбачає зміну лексичного значення похідного слова в межах тієї самої частини мови [8, с. 192]. У класифікації В. Богданова розрізняються такі три типи словотвору: транспозиційний словотвір, власне словотвір і гібридний словотвір. Транспозиційний словотвір збігається з синтаксичною деривацією. Власне словотвір стосується процесів, за яких похідне і твірне слово, будучи нетотожні за значенням, належать до тієї самої частини мови. Гібридний (змішаний) словотвір зумовлює появу дериватів, які відрізняються від твірних слів лексичним значенням і частиномовною належністю [3, с. 171]. На думку О. Кубрякової, транспозиція – це вище, що має стосунок до різних